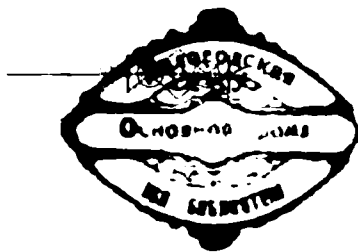


ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ЛѢСНОГО ИНСТИТУТА.

ВЫПУСКЪ XXIV.

Mitteilungen des Kaiserlichen Forstinstitutes in St. Petersburg.

Band XXIV.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

1913.

Рѣчь профессора Г. Ѳ. Морозова передъ памятникомъ профессора М. К. Турскаго.

Трудно говорить передъ памятникомъ... Передъ памятникомъ чловѣка столь глубоко правдиваго, какъ покойный Митрофанъ Кузьмичъ, въ которомъ не было ни малѣйшей фальши, который былъ—сама искренность и правда,—трудно говорить... Онъ насъ не въ состояніи поправить, а малѣйшая невѣрность даетъ боль душѣ его. Но сознание безграничной доброты его, да поможетъ намъ...

Что же было замѣчательнаго въ этомъ удивительно цѣлостномъ, точно изъ одного куска выдѣланномъ чловѣкѣ? Что заставило его учениковъ и почитателей поставить ему памятникъ и тѣмъ хотя бы отчасти удовлетворить нашу общую ненасытную потребность высказать ему нашу глубокую благодарность и уваженіе.

Прежде всего замѣчателенъ его нравственный обликъ, его исконная доброта, чуткость и любовь къ людямъ, его удивительная правдивость... Уже отмѣчена была его учениками эта черта, дѣлавшая изъ него не только учителя лѣсоводства, но и учителя жизни.

Но объ этомъ не буду больше говорить, а попробую въ краткихъ словахъ очертить его образъ, какъ ученаго и лѣсовода. Онъ былъ теоретикомъ и практикомъ. Въ этой многогранной личности удивительнымъ образомъ сочетались эти два типа мышленія, и величайшій практикъ не давилъ въ немъ ученаго. По натурѣ ли своей, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, или потому, что такъ сложились дѣла его личныя, но Митрофанъ Кузьмичъ Турскій большее вниманіе удѣлилъ лѣсоводственному искусству—практикѣ и потому можно было бы думать, что онъ будетъ смотрѣть и разрабатывать вопросы научнаго лѣсоводства съ практической точки зрѣнія. Но въ его ученой дѣятельности мы какъ разъ наблюдаемъ обратный примѣръ, видимъ чрезвычайно ясный умъ, который, берясь за тотъ или другой вопросъ, старается разрѣшить его научнымъ методомъ. Приведу только нѣсколько примѣровъ.—Когда большинство лѣсоводовъ, изъ числа изучавшихъ тѣневыносливость древесныхъ породъ, вращалось въ бѣлицемъ кругѣ, онъ вывелъ этотъ вопросъ на торную дорогу. Тѣ лѣсоводственныя явленія, которыя жаждали освѣщенія со сто-



Памятникъ профессору лѣсоводства М. К. Турскому.

роны тѣневыносливости древесныхъ породъ, какъ то: быстрота изрѣживанія насажденій изъ разныхъ породъ, наличность или отсутствіе подроста, та или иная степень его угнетанія, предѣлъ его оправляемости и т. под. служили для большинства лѣсоводовъ, и до и даже послѣ Турскаго основаніемъ для различія степеней тѣневыносливости. Установивъ скалы свѣтолюбія, исходя изъ только что указанныхъ началъ, лѣсоводы такія скалы сейчасъ же и прилагали для объясненія только что указанныхъ явленій, они служили началами и они же объяснялись... ими же самими. Ясный научный умъ натуралиста лѣсовода М. К. Турскаго сразу всталъ на иную почву. Отѣненіе влечетъ за собою явленіе, извѣстное въ физиологіи растений подъ именемъ этиолированія; отѣненіе влечетъ за собою потерю въ вѣсѣ сухого вещества какъ листьевъ, такъ и корневой массы (и другія явленія, которыхъ я сейчасъ касаться не буду) отъ степени отѣненія при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ зависѣть и степень потери сухого вещества; при равныхъ же внѣшнихъ условіяхъ, но разныхъ породахъ, очевидно, что одна и та же степень отѣненія должна дать различные результаты, въ зависимости отъ степени тѣневыносливости той или иной породы. Въ работѣ В. В. Никольскаго съ сосною и елью, сдѣланной подъ непосредственнымъ руководствомъ покойнаго лѣсовода, и былъ впервые примѣненъ этотъ методъ объективнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ количественнаго изученія этого вопроса.

Когда впервые нютте стало въ ряды весьма замѣтныхъ лѣсоводственныхъ явленій и только что трудами ботаниковъ была доказана микологическая природа этого заболѣванія, М. К. Турскій первый ставитъ опытъ искусственнаго зараженія грядъ заболѣвшими сѣянцами и получаетъ положительныя доказательства вѣрности его замысла.

Для выясненія цѣлаго ряда вопросовъ отношенія древесныхъ породъ къ глинѣ, песку, извести, торфу ставится его учениками подъ его руководствомъ рядъ опытовъ, при чемъ учитывается вліяніе среды на развитіе корневой системы.

Европа справедливо гордится теперь вѣроятно уже 15-ти лѣтними опытами Cieslar'a относительно вліянія происхожденія сѣмянъ на ростъ и другія особенности насажденій. Опыты нанего Митрофана Кузьмича гораздо старше; имъ теперь уже 25—30 лѣтъ, т. е. поставлены они были тогда, когда въ Германіи никто, или почти никто по крайней мѣрѣ въ лѣсоводственныхъ кругахъ, не

думалъ еще объ экспериментальномъ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

М. К. Турскій, будучи лѣсоводомъ, выбираетъ соответствующіе вопросы и соответствующіе объекты для своихъ научныхъ изысканій; не на конопль или фіалкѣ останавливаетъ онъ свое вниманіе для изученія тѣневыносливости, а на соснѣ и ели, но изучаетъ онъ этотъ вопросъ, какъ и другіе методомъ научнымъ, безъ привходящихъ соображеній утилитарнаго характера.

М. К. Турскій, одинъ изъ лучшихъ русскихъ лѣсоводовъ наблюдателей и одинъ изъ первыхъ экспериментаторовъ.

Но въ гораздо большей мѣрѣ онъ интересовался вопросами лѣсоводственнаго искусства. Будучи большимъ практикомъ, онъ имѣлъ громадный опытъ, а путешествуя за границей уже послѣ нѣкотораго собственнаго опыта, приобрѣтеннаго имъ на Руси, онъ въ состояніи былъ хорошо вглядываться въ тамошніе порядки и критически ихъ оцѣнивать. Его очерки заграничныхъ хозяйствъ не только не утратили значенія, но имѣютъ чрезвычайно важное значеніе и для даннаго времени. М. К. Турскій всегда указывалъ, что недостаточно копировать зап.-европейскіе образцы, что необходимо отличать космополитическую сущность правильнаго лѣснаго хозяйства отъ тѣхъ формъ, обусловленныхъ временемъ и мѣстомъ, въ которое эта сущность одѣвается. Примѣненіе однѣхъ формъ, хотя бы и самыхъ совершенныхъ, можетъ имѣть совершенно другія послѣдствія; можетъ утратиться суть и остаться, хотя и принаряженное снаружи, но въ сущности хищническое хозяйство. Онъ постоянно жаловался, что у насъ черезъ чуръ увлекаются заимствовавшимъ чуждыхъ формъ, а между тѣмъ, говорилъ онъ, „многія обстоятельства обусловливаютъ необходимость выработки у насъ собственныхъ приемовъ лѣснаго хозяйства; пока мы не начнемъ самостоятельно вести наше лѣсное хозяйство, *придерживаясь лишь главныхъ принциповъ германскихъ образцовъ*, мы будемъ вращаться въ томъ замкнутомъ кругѣ формъ и обрядностей, въ которомъ находимся въ настоящее время, не улучшая ни на іоту состояніе нашихъ лѣсовъ“.

М. К. руководясь лишь основными принципами германскаго хозяйства совѣтовалъ примѣняться къ свойствамъ нашихъ лѣсовъ. „Чѣмъ самобытнѣе и самостоятельнѣе обращеніе съ лѣсомъ, писалъ онъ, тѣмъ лучше для дѣла, и какими бы приемами мы ни достигали разрѣшенія главныхъ задачъ лѣсоводства, все равно, наши приемы надо считать рациональными; германскіе лѣсохозяева



Съ памятника спадаетъ пелена, закрывавшая его.

вполнѣ *самобытны*, — и можно быть увѣреннымъ, что эта самобытность главнымъ образомъ способствовала развитію ихъ лѣсного хозяйства“.

Много можно было бы привести данныхъ, гораздо болѣе вѣскихъ, чѣмъ эти отрывки, въ доказательство самобытности М. К. Турскаго. Онъ былъ врагомъ формъ, обрядностей, шаблоновъ и рецептовъ; предпочитая суть дѣла, онъ находилъ громадное удовольствіе подыскивать нужныя формы для условій даннаго времени и мѣста, принимая во вниманіе не только свойства того или иного лѣса, не только природныя и экономическія условія, не только законныя цѣли хозяйства, но и тѣ или иныя особенности окружающаго населенія, его бытъ, душевный складъ чело-вѣка и т. д.

Я только что упомянулъ, что М. К. находилъ удовольствіе подыскивать подходящія формы для удовлетворенія сути дѣла, но еще болѣе, какъ истинный творецъ, какъ представитель искусства, какъ художникъ, онъ не только наслаждался, но б. м. часто мучился, не находя надлежащихъ формъ въ однихъ случаяхъ, не удовлетворяясь ими — въ другихъ.

М. К. Турскій былъ однимъ изъ первыхъ самобытныхъ лѣсоводовъ — онъ былъ философомъ лѣсоводства и приходится только пожалѣть о томъ, что, не любя вѣроятно писанія, онъ мало оставилъ намъ литературныхъ памятниковъ, изъ которыхъ мы и послѣдующія поколѣнія могли бы черпать изъ его лѣсоводственной мудрости. На его ближайшихъ ученикахъ, на счастье которыхъ выпало частое, длительное и интенсивное общеніе съ нимъ лежитъ обязанность разсказать намъ, далеко отъ него стоявшихъ, какъ и почему поступалъ онъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ; на обязанности ихъ — возстановить его цѣлостное лѣсоводственное мировоззрѣніе и показать намъ на безднѣ примѣровъ силу его, какъ діагноста.

М. К. Турскій принадлежитъ къ числу русскихъ лѣсоводственныхъ *классиковъ*. Его сочиненія должны быть полностью изданы съ комментаріями — учениковъ. Его литературная дѣятельность, какъ отраженіе его думъ и практической дѣятельности, должно стать однимъ изъ источниковъ лѣсоводственнаго образованія. Классики не старѣютъ — они вѣчно юны.

Г. Морозовъ.